

Геннадий Казакевич

НА ПОРОГЕ КЕЛЬТСКОГО РЕНЕССАНСА?

Ровно три столетия прошло с того дня, когда на политической карте появилась новая реальность – Соединенное Королевство Великобритании. За это время большинство европейцев привыкло Англию и Британию почти синонимами и лишь немногие помнили о том, кто кого и с кем соединил. Однако теперь на островах появились новые центры влияния. Это Республика Ирландия, которая по уровню жизни населения успела обогнать свою бывшую метрополию и сегодня служит примером для других кельтских регионов, остающихся под юрисдикцией Букенгемского дворца. Это Шотландия, где за последние годы совершенно четко выкристаллизовался проект государственной независимости. И даже традиционно лояльный Уэльс, сердцами жителей которого все больше завладевают националистические настроения. Сейчас, в год юбилея Британской унии, перспектива распада единого государства гораздо более осязаема, нежели 20 лет назад, когда в Лондоне взрывались автомашины, а на улицах Белфаста королевских констеблей расстреливали боевики ИРА.

Разобраться в сложной мозаике межэтнических отношений в Британии не проще, чем распутать хитросплетения ирландского орнамента. За несколько столетий до нашей эры большая часть населения островов по языку и в значительной степени по культуре была связана с европейскими кельтами, проживавшими на огромной территории от Атлантики до Днестра и Анатолии. В эпоху, когда континентальные кельтские племена были покорены Римской державой, их британские сородичи оказали завоевателям столь яростное сопротивление, что последним удалось закрепиться только на равнинах юго-востока острова Британия. Труднодоступные северная и западная оконечности острова, будущие Шотландия и Уэльс, по большей части оставались под контролем кельтских племен, на землю же Ирландии римские солдаты попадали только в качестве пленных. Когда в начале V века легионы были вынуждены покинуть островную провинцию, Британия вновь ненадолго стала кельтской. Однако уже через несколько десятилетий с Востока пришли новые завоеватели – германские племена англо-саксов, которым вскоре удалось колонизировать практически всю территории современной Англии. По свидетельствам средневековых хронистов, германцы вырезали массы кельтского населения, вынудив оставшихся искать убежище в горах Уэльса и Шотландии. С тех пор на всех кельтских языках англичан зовут не иначе как «саксы», и в этом слове даже сегодня читается оттенок былой ненависти и

презрения.

За те несколько столетий, когда и англо-саксонские королевства и кельтские племена были вынуждены бороться с датскими и норвежскими викингами, этнические границы на островах окончательно оформились. И лишь после того как Вильгельм Завоеватель и его франкоязычные норманны в 1066 году установили централизованное Английское королевство, достигнутый статус кво начал понемногу рушиться. С 1169 по 1270 годы англичане полностью подчинили своей власти Ирландию, к 1282 году был присоединен Уэльс, и лишь Шотландия, несмотря на неоднократные попытки английского завоевания, до 1603 года оставалась независимой.

СОПЕРНИК АНГЛИЙСКОГО ЛЬВА

Наиболее сильно от английского владычества пострадала Ирландия. Население острова систематически восставало против новых хозяев, а с XVI века противостояние приобрело характер не столько этнического, сколько религиозного конфликта: англичане и шотландцы переходят к ревностному протестантизму, ирландцы остаются не менее ревностными католиками. Англо-ирландская ненависть тщательно культивировалась Лондоном: ирландцев сгоняют с земли, где селятся протестантские колонисты, смешанные браки запрещены и даже в официальных документах коренное население острова называют «ирландскими собаками». Особенно жестоко подобная политика проводилась в эпоху английской революции Оливером Кромвеллем. Вообще же дискриминация ирландских католиков продолжалась до 1829 года, но даже тогда ее отмена вызвала протесты английской общественности. Насколько глубокой оставалась пропасть между англичанами и ирландцами продемонстрировал «картофельный голод» 1845-1849 годов, когда в течении нескольких неурожайных лет от недоедания и тифа погибло более четверти населения Ирландии и еще столько же вынуждено была эмигрировать. Даже сегодня численность населения Ирландии вдвое уступает той, что была достигнута к 1845 году. Английские же власти в период голода продолжали как ни в чем не бывало собирать налоги и ренту, а помощь в виде раздач бесплатного супа и визита королевы Виктории в Дублин только обостряла ненависть коренного населения.

В конце XIX века Ирландия получила от Лондона так называемый «гомруль» - право ограниченного самоуправления, однако этого оказалось уже явно недостаточно. В стране действовали влиятельные националистические группировки, боровшиеся за полную независимость острова. В 1916 году они подняли восстание, надеясь на военную помощь Германии, которая вела с Англией борьбу на фронтах мировой войны. Тогда помощи не последовало и британские вооруженные силы за 6 дней подавили мятеж, однако уже в 1920 году Ирландская республиканская армия возобновила боевые действия, которые закончились через год подписанием англо-ирландского договора, по которому Лондон оставлял за собой шесть наиболее развитых северных графств

Ольстера, где компактно проживали англо-шотландские протестанты, а остальные 26 графств получали независимость. 6 декабря 1922 года была провозглашена независимость республики Ирландия, однако неприятие разделения страны значительной частью населения привело к двухлетней гражданской войне между сторонниками и противниками договора с Англией.

После этого в независимой Ирландии надолго установился мир, однако судьба молодого государства вновь оказалась под угрозой, но уже по экономическим причинам. Бедная природными ресурсами, полностью аграрная страна, ориентированная исключительно на рынок бывшей метрополии, не имела ни средств, ни достаточного количества образованных специалистов, необходимых для того, чтобы занять достойное место на мировом рынке и международной арене. Почти семьдесят лет страна пребывала в состоянии экономической стагнации и казалась таким безнадежным местом, что ее ежегодно покидало население, с темпами иногда достигавшими 1% в год. С конца 1960-х годов ирландское правительство последовательно проводило политику экономических реформ, преимущественно либерального характера. Так, в 1967 году страна присоединяется к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), а спустя шесть лет – к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС). Последнее гарантировало острову стабильный приток финансовой помощи из Брюсселя. Для привлечения иностранных инвестиций были установлены самые низкие в Европе налоговые ставки (до начала 80-х налог на доходы корпораций вообще не взимался) и различные льготные режимы, фактически превратившие Ирландию в оффшорную зону. К этому добавились государственные инвестиции в образование и инфраструктуру, приватизация убыточных госпредприятий, упрощение трудового законодательства, в условиях и без того низкой стоимости труда.

Благодаря этим мерам к началу 90-х годов Ирландия вступила в полосу экономического процветания. Темпы годового прироста ВВП достигали 11%, количество безработных за десять лет сократилось с 18% до 3,5%, инфляция снизилась вдвое. Ирландия стала крупнейшим в Европе поставщиком компьютерной и прочей высокотехнологической техники. Крупными предприятиями обзавелись здесь Intel, IBM, Dell, Microsoft, Apple, а также 9 из 10 крупнейших мировых фармацевтических корпораций. Резко выросло благосостояние жителей – ирландцы ныне на втором месте в ЕС по уровню среднего дохода на душу населения после Люксембурга. Впервые за многие столетия страна превратилась из миграционного донора, в желанный для поселения уголок мира. Сегодня ирландскую экономику привычно называют «кельтским тигром», и хотя сейчас темпы ее развития несколько замедлились, динамика роста ВВП на уровне 6% все равно выгодно выделяет Изумрудный остров среди остальных государств Объединенной Европы.

ОТОРВАННЫЙ ЛОМОТЬ

Совсем по другому ситуация складывалась в тех шести ирландских графствах, которые остались под скипетром британской монархии. В 20-е годы правительство Северной Ирландии было сформировано целиком из юнионистов и лоялистов – протестантов, выступавших за сохранение Ольстера в составе Соединенного Королевства. В тоже время ирландцы-католики были вновь подвергнуты открытой дискриминации. В ответ на это радикальное крыло Ирландской республиканской армии продолжило вооруженную борьбу, закончившуюся в 1923 году поражением и уходом организации в подполье. Лишь время от времени ее члены наносили удары по полицейским патрулям, таможенным постам и кортежам английских военных чиновников как в Северной Ирландии, так и на территории Англии. Вялотекущий конфликт вступил в фазу эскалации в конце 60-х годов, когда под влиянием борьбы за равноправие чернокожего населения США и студенческих волнений в Европе, в Северной Ирландии также разворачивается движение в защиту прав католиков-националистов. Но против этого выступают местные протестанты и в августе 1969 года в Белфасте и Дерри проходят массовые беспорядки, сопровождаемые кровопролитием и погромами католических кварталов. При этом королевские констебли Ольстера, призванные охранять общественный порядок, либо не вмешиваются в происходящее, либо открыто поддерживают протестантов. В 1970 году в Ольстер были введены подразделения Британской армии, что первоначально поддержали как католики, так и протестанты, надеясь, что войска займут нейтральную позицию. Однако вскоре выяснилось, что армейские части далеки от незаангажированности. В глазах католиков они окончательно скомпрометировали себя событиями «Кровавого воскресения», когда 30 января 1972 года английские десантники открыли огонь по мирной демонстрации националистов. Жертвами этой акции стали 14 человек, в том числе пять 17-летних подростков. По стране прокатилась волна арестов католиков и националистов, после чего конфликт вновь удалось перевести в разряд вялотекущего.

Незадолго до этого, в 1970 году, в Ирландской республиканской армии происходит раскол по вопросу о методах ведения дальнейшей борьбы. «Официальная ИРА», члены которой придерживались левых взглядов, выступает за ненасильственное сопротивление властям и постепенную легализацию, тогда как националистически настроенные радикалы создают «Временную ИРА», не желающую отказываться от вооруженной борьбы. Какое-то время оба крыла действуют сообща и в конце концов добиваются от Лондона уступок. В 1973 году правительство санкционирует создание Национальной ассамблеи Северной Ирландии, а националисты получают доступ в органы местного самоуправления наравне с юнионистами. Обе стороны объявляют о прекращении огня, однако мирное урегулирование вскоре было сорвано, поскольку его условиями остались недовольны и католики, и протестанты. Временная ИРА и ряд других националистических организаций переходят к террористической тактике, нападая на гражданское население протестантского вероисповедания, полицейские патрули и коммерческие структуры в Северной

Ирландии и Англии. Им противостоит парамилитарное протестантское формирование «Союз защиты Ольстера», члены не менее жестоко расправляются с католиками. О том насколько бескомпромиссной и яростной была борьба свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1981 году десять ирландских националистов в знак протеста заморили себя голодом в британских тюрьмах.

БАРХАТНАЯ ДЕВОЛЮЦИЯ

С мая 1979 года у власти в Лондоне находились консерваторы, во время многолетнего правления которых говорить о возможностях компромиссного урегулирования конфликта не приходилось. Однако на парламентских выборах 1997 года большинство мест в Вестминстере получают лейбористы, а их лидер Тони Блэр становится премьер-министром. В целом поддерживая экономический курс консерваторов, лейбористы отличались от них приверженностью идеи децентрализации власти и занимали более конструктивную позицию по ольстерской проблеме. Острота конфликта к тому времени уже шла на спад: и католики и протестанты устали от 30-летней войны, унесшей более четырех тысяч жизней, к тому же и те и другие понимали, что добиться победы в вооруженном противостоянии ни одна из сторон не сможет. Лейбористы активно включились в переговорный процесс и 10 апреля 1998 года добились подписания «Соглашения Страстной Пятницы» между правительствами Северной Ирландии, Ирландской республики и националистической партией Шинн Фейн, политического крыла Временной ИРА. По условиям этого соглашения, будущее Северной Ирландии должно определяться голосованием ее жителей, все конфликтные вопросы решаются мирным путем. В стране устанавливается полное равноправие и соблюдение прав человека, в том числе в сфере функционирования ирландского языка, проводится реформа полиции. Национальная Ассамблея Северной Ирландии получает расширенные законодательные полномочия, а правительство формируется представителями всех партий на пропорциональной основе. Ирландская республика признает суверенитет Великобритании над Ольстером, а парамилитарные образования берут на себя обязательство прекратить вооруженную борьбу.

«Соглашение Страстной Пятницы» стало первым реальным политическим успехом кабинета лейбористов. Временная ИРА действительно прекратила боевые действия, а в 2005 году, после исламистских терактов в лондонском метро, заявила об одностороннем разоружении. Опасность нового вооруженного столкновения, правда, не исчезла. Наиболее радикально настроенные члены Временной ИРА не поддержали мирных инициатив и создали собственную «Реальную ИРА», которую возглавили Майкл МакКевитт и его жена Бернадетт Сэндз-МакКевитт. РИРА стала военным крылом Движения за Суверенитет 32 графств, созданного в 1997 году для противодействия мирному процессу. Уже в 1998 году РИРА осуществила несколько террористических атак, крупнейшей из которых стал подрыв

заминированного автомобиля возле здания суда в городе Ома 14 августа, в ходе которого 29 человек было убито и более 200 получили ранения. Тогда под давлением Временной ИРА и ольстерских властей РИРА пошла на перемирие, однако уже в 2000 году возобновила атаки. Через год Майкл МакКевитт и его ближайшие соратники были арестованы, осуждены на длительные сроки тюремного заключения, и вскоре обратились к своим соратникам с призывом сложить оружие. Однако бойцы РИРА продолжили испытывать на прочность британские спецслужбы. Среди их последних акций – нападение на полицейский патруль в городе Беллимена в марте 2006 года и подрыв нескольких офисных зданий в Ньюри в октябре того же года, обошедшийся без жертв. По данным британской полиции, в составе РИРА сегодня насчитывается около 150 боевиков. На их вооружении - автоматы АК-47, которые ИРА в свое время получала из Ливии, пистолет-пулеметы Узи, гранатометы РПГ-18 и РПГ-22, приобретенные в конце 90-х годов в Хорватии, самодельные минометы и различные типы армейской взрывчатки.

Параллельно с урегулированием ольстерского вопроса, правительство Блэра приступило к осуществлению курса на «деволюцию», то есть передачу части властных полномочий органам местного самоуправления, которые в Шотландии и Уэльсе должны были получить вид национальных законодательных органов. Основанием для начала деволюции послужило с одной стороны стремление лейбористов к демократизации государственного управления и адаптация ее к общеевропейским нормам, а с другой – желание угодить избирателям национальных окраин, где партия лейбористов традиционно пользуется значительно большей поддержкой, чем проанглийски настроенные консерваторы. В 1998 году в Уэльсе и Шотландии прошли референдумы, на которых большинство граждан одобрило идею создания собственных органов власти. По их результатам в Вестминстере были приняты Акты об управлении Шотландией и Уэльсом, которые предполагали создание шотландского парламента, с правом принимать первичное законодательство по вопросам социальной, экологической и отчасти налоговой политики, а также национального правительства. Уэльс получал Национальную Ассамблею, имевшую ограниченные законодательные полномочия, а с 2005 года – правительство. Новая система управления государством оказалась далекой от совершенства: поскольку старые административные органы не были ликвидированы, деволюция привела к увеличению количества бюрократии и только усложнила государственный менеджмент. Но главное: вместо того, чтобы удовлетворить стремления части националистически настроенных шотландцев и валлийцев, деволюция привела к усилению центробежных тенденций в спокойных до недавнего времени провинциях.

300 ЛЕТ ВМЕСТЕ

В особенности это касалось Шотландии. Жителям этой страны по большому счету не было в чем упрекнуть государство Великобритании. Англичанам так и не удалось подчинить эту страну военной силой, как это

случилось с Ирландией и Уэльсом. Шотландия вошла в состав Великобритании в качестве полностью самостоятельного королевства. В 1603 году была заключена персональная уния и на английском престоле оказалась шотландская династия Стюартов, а спустя столетие, в 1707 году, объединение было скреплено государственной унией, ознаменовавшей создание Соединенного Королевства. К красному кресту английского флага добавился шотландский диагональный крест и синее поле, а шотландские парламентарии заняли свои места в Вестминстере. Шотландцы, большинство которых были протестантами, никогда не подвергались дискриминации. В середине XVIII века английские власти провели репрессии против кланов шотландских горцев, когда те поддержали попытку реставрации династии Стюартов, однако в целом правление британской короны было здесь намного более мягким. Благодаря английским предпринимателям города шотландского Лоулэнда превратились в крупнейшие торгово-промышленные центры. В то время как ирландцам был запрещен доступ даже к среднему образованию, шотландские университеты считались лучшими на островах. Выдающиеся деятели британской науки и культуры от Адама Смита до Джорджа Гордона Байрона и Вальтера Скотта происходили из Шотландии и именно шотландцы составляли костяк вооруженных сил и колониальной администрации Британской империи.

На протяжении почти всего XX века шотландцы оставались лояльными Лондону, однако за последние тридцать лет ситуация кардинально изменилась. Если в первые послевоенные десятилетия лишь 10% жителей Шотландии считали себя именно шотландцами, а не британцами, то теперь таковых 80%. Когда в 1979 году по инициативе лейбористов был проведен первый референдум по вопросу о создании собственного парламента лишь чуть больше половины шотландцев поддержало эту идею. Спустя два десятилетия за собственный парламент голосовало уже более 74% избирателей. А еще через десять лет, в мае 2007 года, на выборах в Парламент Шотландии относительное большинство голосов получила Шотландская национальная партия, главным лозунгом которой был выход страны из состава Великобритании. Правда, реализовать эти устремления шотландским националистам пока что затруднительно: в 129-местном парламенте, кроме 47 представителей от ШНП, идею независимости поддерживает только 2 народных избранника от Партии зеленых. И хотя рассчитывать на расширение коалиции в ближайшее время не приходится, ШНП все равно готовится вынести вопрос о независимости страны на национальный референдум до 2010 года.

ШОТЛАНДСКАЯ НЕФТЬ - ШОТЛАНДСКАЯ ИДЕЯ

Английские эксперты склонны считать, что такой рост сепаратистских настроений в Шотландии обусловлен в первую очередь экономическими причинами. Сегодня экономика Шотландии переживает не лучшие свои дни: местная промышленность, созданная еще в эпоху индустриального переворота, не может приносить существенный доход в условиях компьютерной экономики, ежегодный бюджетный дефицит составляет около 12% ВВП. В то же время на

одного шотландца приходится ныне вдвое больше иностранных инвестиций чем на англичанина, а кроме того здесь добывается более 90% британской нефти и природного газа. Месторождения на шотландском шельфе были открыты еще в конце 70-х годов, однако Лондон сознательно до 2005 года держал в секрете данные о реальном объеме месторождений. И лишь когда добыча нефти стала неуклонно сокращаться из-за истощения месторождений шотландцы узнали наконец какой шанс был ими упущен. На этих чувствах и играет сейчас Кенни МакАскилл, один из лидеров ШНП и в прошлом – эксперт нефтяного рынка. Он говорит, что для Шотландии еще не поздно воспользоваться своими природными богатствами и в качестве примера предлагает использовать опыт нефтяной экономики Норвегии и рыночных реформ Ирландии. Поддержка шотландцами национальной партии связана еще и с тем, что националисты требуют вывода с территории страны ядерных ракет Трайдент, программа модернизации которых была совсем недавно принята в Лондоне, а также выступают за вывод шотландских солдат из Ирака. В числе прочего ШНП обещает выйти из НАТО, но при этом глубже интегрироваться в ЕС и в перспективе даже войти в зону евро.

Было бы однако неправильно приписывать рост поддержки ШНП только лишь экономическому популизму и конъюнктурным политическим лозунгам. В действительности, мало кто станет оспаривать процесс укрепления национального сознания шотландцев, который проявляется в быту, искусстве, спорте и других сферах жизни. Идею независимости Шотландии поддерживают самые известные представители современной шотландской культурной элиты - голливудские актеры Шон Коннери и Мэл Гибсон. Первый является членом и одним из спонсоров ШНП, а второй в 1997 году снял фильм «Храброе сердце» о борьбе средневековой Шотландии против Англии. Эта кинокартина была настолько проникнута идеями независимости, что в самой Шотландии ее оценили едва ли не как призыв к восстанию. Шотландские футбольные болельщики по праву считаются самыми национально сознательными, в чем неоднократно могли убедиться жители многих европейских городов. Характерно, что не более 48% из них выражает готовность болеть также и за сборную Англии. О том, что национализм на окраинах Британии является не просто временным веянием свидетельствует и тот факт, что в Уэльсе, традиционно самом спокойном и лояльном к центральной власти кельтском регионе Соединенного Королевства, за последние 30 лет националистическая партия Плайд Кимри вдвое увеличила число сторонников и сегодня ее поддерживает до 25% валлийцев.

«Трехсотлетний Союз больше не отвечает своим целям. Он создавался не для XXI столетия. Он окончательно устарел и тянет Шотландию назад» - так гласят строки из политической программы ШНП. Она не содержит призывов к вооруженной борьбе и не предлагает развесить колючую проволоку вдоль границы, однако в Великобритании многие всерьез убеждены в неизбежности распада Соединенного Королевства. Гордон Браун, который поведет

лейбористов на будущие выборы в Вестминстер, уже назвал эту ситуацию «угрозой балканизации Британии». Но так ли уж она неотвратима?

УХОД ПО-АНГЛИЙСКИ?

Накануне 300-й годовщины подписания англо-шотландской унии наиболее авторитетная британская социологическая компания ICM провела опрос, который показал, что почти 60% англичан не против ликвидации Соединенного Королевства. Такие шокирующие результаты, ставшие причиной срыва юбилейных мероприятий, объясняются в первую очередь тем, что многие англичане считают кельтских сограждан экономической абюзой старой доброй Англии. Действительно, экономики Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии являются дотационными и сегодня значительная часть средств английских налогоплательщиков идет на покрытие бюджетных дефицитов национальных окраин. В то же время, многих англичан раздражает засилье шотландцев и валлийцев в государственных структурах (сам Тони Блэр родом из Эдинбурга), а также непропорциональным влиянием шотландских членов Палаты Общин Британского парламента. Там за ними закреплено 59 мест, при том что аналогичная квота для англичан в Парламенте Шотландии не предусмотрена. В целом англичане остались недовольны и политикой деволуции: в то время как Блэр фактически подарил национальным окраинам собственные парламенты, англичанам предложили довольствоваться региональными ассамблеями, компетенция которых не простирается дальше вопросов коммунального хозяйства. На этом фоне и становятся все заметнее сепаратистские настроения среди самих англичан, и как тут не вспомнить времена распада СССР, когда именно россияне, не менее рьяно, чем латыши, включились в процесс расползания советских республик.

Конечно, сегодняшнюю Великобританию удерживают от распада мощнейшие культурные связи и традиции. За полтысячи лет совместного проживания Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия успели срастись не только экономикой. Сегодня Британские острова объединяет язык. За долгие годы совместного проживания английский повсеместно вытеснил коренные кельтские языки, причем не столько из-за ассимиляторской политики властей, сколько в следствии стремления самих кельтов, охотно переходивших на более престижное средство общения. Сегодня на валлийском говорит не более 750 тысяч из почти трехмиллионного населения Уэльса и около 70 тысяч из пятимиллионного населения Шотландии. Даже в Ирландии, где гэльский является вторым государственным языком, родным его считает лишь каждый шестнадцатый ирландец. С другой стороны, английская культура вобрала в себя многочисленные кельтские элементы. Языческий кельтский праздник Самайн превратился в излюбленный англичанами Хэллоуин. Национальная героиня Англии – кельтская принцесса Боудикка, боровшаяся за независимость от Римской империи. Излюбленный персонаж английских рыцарских романов – полупоупендарный валлийский король Артур, сражавшийся с саксами. Шекспир был вдохновлен на написание «Макбета» и «Короля Лир» кельтскими

легендами и совсем уж не ясно как быть со Скоттом и Бернсом, воспевавшими Шотландию на английском языке. Национальные символы переплелись: юбка-килт, неотъемлемый атрибут истинного шотландца, была скроена в начале XVIII века английским управляющим, который заметил, что традиционная шотландская одежда – плед с поясом – мешает работать лесорубам из горцев. В Северной Ирландии протестанты-англичане почитают героя эпоса кельтской Ирландии Кухулина - по легенде он защищал Ольстерское королевство от набегов из Южной Ирландии.

Не возникает сомнений и относительно того, что официальный Лондон приложит максимум усилий для сохранения своих кельтских провинций. Здесь вряд ли найдется правительство, которое откажется от мировой державы Великобритания ради небольшого национального государства Англия. Можно не сомневаться, что и Брюссель не станет аплодировать шотландским националистам, поскольку удовлетворение их требований подхлестнет сепаратистские тенденции в Бельгии, Испании, Италии, аукнется эхом на постсоветском пространстве, да и во всех остальных проблемных регионах мира. Но все эти причины вместе взятые едва ли смогут остановить распад государства, со старейшей демократической традицией, если к этому будут стремиться основные этнические группы его жителей. Их сознание еще явно не созрело до открытого разрыва, но, как говорил один известный политик, процесс пошел.